

Время – действующее лицо.

В.П.Зинченко

*Настал черед подумать самому о
времени, и долгом и растратном, –
о пополудне детства невозвратном,
куда заказан путь, – а почему?*

*И меня срезает время,
тЧто скосило твой каблук*
О.О.Мандельштам

Р.М.Рильке

Человек живет в пространстве времен: в прошлом, в настоящем, в будущем, в безвременьи, во времена временщиков, в межвременьи, в параллельном времени и, наконец, как это не удивительно, иногда даже в счастливом времени. Порой, он оказывается вообще вне времени: "время стоит". При этом, в каком бы времени он ни находился, или каким бы не было их причудливое сочетание, в каждый момент времени в нем присутствуют (он присутствует?) все три цвета времени. Настоящее без примеси прошлого и будущего вызывает страх, ужас. Такое же настоящее заставляет иногда воскликнуть: *«Остановись мгновенье, ты прекрасно»*

Строго говоря, каждый миг человеческой жизни представляет собой элементарную, разумеется, виртуальную единицу вечности. Если бы это было не так, у человека никогда бы не возникло представления о вечности. Далеко не каждый миг жизни очеловечен. Бывает бесчеловечное время. Оно смягчается воображением. В своих мечтах люди живут, как минимум в приличном времени. Все претерпеваемые, освоенные и преодоленные виды времени, как, впрочем, и освоенные виды пространства человек носит с собой. Их виртуальность не должна смущать. Фиксируясь в слове и образе, они воспринимаются реальнее, чем сама реальность. И.Бродский утверждал, что реальность и сон – это тавтология, так как толкование сновидений начинается с толкования реальности. Поэт усиливает свою мысль: можно сказать, что, не считая смерти, сон это самое реальное. Марина Цветаева не стала бы спорить с И.Бродским. Она не

только знала, что "уровень бреда выше уровня жизни", но испытывала это на себе.

Смерть тоже имеет свое время и даже более того. Со ссылкой на Лукреция Бродский пишет, что мертвые (или их души?) свободны от причинности. Знание, доступное им, – знание о времени – всём времени. Смерть, несмотря на убеждение подавляющего большинства людей, что умирают только другие, присутствует и в настоящем:

Когда б не смерть, то никогда бы

Я не узнал, что я живу

О.Мандельштам

Замечательно удивление поэта:

Неужели я настоящий,

И действительно смерть придет

О.Мандельштам

Р.М.Рильке даже сделал не очень оптимистическое заявление, что человек рождается со своей смертью и всегда носит ее с собой. Видимо, поэтому смертные все же догадались подарить бессмертие богам, сохранив для себя виртуальные вечность и бесконечность.

О. Мандельштам когда-то говорил о пространства внутреннем избытке. Равным образом, в человеке присутствует и внутренний избыток времени, даже возможно, в большей степени, чем пространства. Ведь кажется, что время старше и больше пространства. Когда человек не умеет его укрощать, избыток превращается в дефицит времени. Но этот же избыток времени собирается в "мгновении — длении", в "вечном мгновении", в "бесконечной одновременности" в "вечном теперь"; благодаря ему возникают "состояния абсолютной временной интенсивности" (Г.Г. Шпет), возникает "актуальное будущее поле" (Л.С. Выготский), или "мир чудовищной актуальности" (М.К. Мамардашвили), когда «меньше года длится век» (Б.Л. Пастернак). М.М. Бахтин такие состояния называл "вневременным зиянием между двумя моментами времени". Видимо, актуальное время вбирает в себя прямую и обратную временную перспективу.

Последняя может быть весьма обширной, даже беспредельной, может и съезжаться, сжиматься:

*А вы, часов кремлевские бои,
Язык пространства, сжатого до точки*

О.Мандельштам

Время имеет не только астрономическое, но и энергичное измерение: силы притяжения прошлого и будущего не равны. Есть "цепь, связывающая с прошлым, и луч — с будущим" (В.В. Кандинский).

*Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого нет.*

А.Блок

Бл. Августин говорил о том, что только через напряжение действия будущее

может стать настоящим. Без напряжения действия будущее навсегда останется там, где оно есть. Августин, конечно, имел ввиду потребное будущее: непотребное приходит само, становясь жалким настоящим. Будущее тоже должно идти навстречу прошлому, искать его, самоутверждаться с его помощью, вписываться в него. "Боязнь влияния, боязнь зависимости — это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся — преемственность, вся эхо" (И.Бродский). История культуры — это "летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего" (О.Фрейденберг). Такое настоящее должно длиться, оно ожидает подобного же от будущего, иногда, правда, слишком долго. Образы прошлого и будущего входят друг в друга, взаимообогащают друг друга или пугают...

Все сказанное позволяет поверить в идею В. Хлебникова о существовании

"Государства Времен". Примечательно, что о "Государстве Времен" писал замечательный поэт России, в пространствах которой затерялось время (А.Фет). Если кому-то такое Государство покажется слишком торжественным или невероятным, пусть попробует возразить Л. Керролу по поводу того, что «Время — действующее лицо». Ведь лицо выше государства! А раз лицо, то с

ним, как минимум, следует быть вежливым, что нужно помнить всем, кто причастен к возрастной психологии, т.е. к исследованию развития человека во времени. Вне категории развития психология, как наука, едва ли возможна, поскольку человек никогда не равен самому себе. Он либо больше, либо меньше самого себя. Ему непрерывно приходится преодолевать не только пространственные, социальные, но и «хронологические надолбы и рвы» (Г.А. Адамович), выбираться из «хронологической провинции» (С.С. Аверинцев), т.е. из стоящего или вспять текущего времени. Чтобы отстоять свое время от посторонних посягательств!

В свете сказанного вся психология должна была бы быть возрастной, точнее, психологией развития. Этому мешает то, что мы весьма смутно представляем себе, что такое возраст, что такое возрастная норма и есть ли она вообще. Норма развития, действительно, звучит странно, так как норма родственна границе, пределу, стандарту, наконец. Но ведь то, на что способно человеческое тело, никто еще не определил, и никто не опроверг это давнее утверждение Спинозы. А если оно к тому же еще и "мыслящее тело"? Значительно продуктивнее говорить о развитии как норме.

Мы, конечно, знаем, что есть время астрономическое, есть время содержательное, мерой которого являются наши аффекты, мысли и действия, есть время психологическое, в котором присутствует весь человек, со всем своим прошлым, настоящим и будущим, есть время духовное, доминантой которого являются представления человека о вечности, о смысле, о ценностях. Соответственно, есть и духовный возраст, к которому психология развития почти не прикасалась.

Астрономическое и содержательное время горизонтальны. Первое – непрерывно, второе – дискретно. Оно складывается из непрерывного физического времени и собственного времени индивида. Если представить физическое время как течение, то плывущий по нему индивид, подобно дельфину, время от времени выпрыгивает из него или ныряет ... в себя, в глубину времени, в собственное время. При всех своих неоспоримых достоинствах это не безопасная

акция. Можно нырнуть в себя, погрузиться в свое Я и не вынырнуть. Или ... вынырнуть в доме призрения.

Поведение и деятельность осуществляются во внешнем, в физическом времени. Выпадения из него – начало его преодоления, начало свободы. Такие выпадения в собственное время получали различные наименования: “деятельное мгновение“, “активный покой” (А.А.Ухтомский), упомянутое выше “вневременное зияние” (М.М.Бахтин), “зазоры дящегося опыта” (В.П.Зинченко, М.К.Мамардашвили).

Психологическое (автобиографическое) и духовное время перпендикулярны непрерывному астрономическому и дискретному событийному времени. Перпендикулярность означает выход из горизонтального времени, а то и разрушение его. И.Бродский заметил, что нигде время не рушится с такой легкостью, как в уме. Благодаря этому, он стал современником Горация. В мои дни, – пишет ему Бродский, – расстояние между Каспием и Элладой, не говоря уже о Риме, было в некотором смысле больше, чем две тысячи лет; оно, откровенно говоря, было непреодолимо. После эмиграции Бродскому все же удалось преодолеть это расстояние... И реальное (пространство), и виртуальное (время).

На перпендикулярной оси (осях?) времени строится высокий ли, низкий ли внутренний человек. Высота зависит от того, окажется ли человек на пересечении множества времен в точке абсолютной временной интенсивности, испытает ли ощущение собранности себя, своего Я в этой точке или запутается в сетях времени. В первом случае он сам сможет выбрать (построить) осмысленный вектор своего дальнейшего движения (роста, развития, деятельности). Во втором – окажется заложником, пленником внешних обстоятельств, захлебнется в течении хронологического времени или без руля и без ветрил будет носиться по его поверхности и на поверхности и не сможет подняться над ней. Такой человек многое потеряет, если не все, ибо:

“Звуки бежали вместе с минутами. Ряд минут составлял время. Время текло без остановки В течении времени отражалась туманная Вечность.”

Л.Л.Правоторова, комментируя эти строки А.Белого, пишет: «Примечательно, что временной поток “действует” как подобие водной поверхности, обретая способность давать отражение Вечности как “статической” модификации темпоральной составляющей континуума (т.е. хронотопа – В.З.)» (Человек.2000.N3.С.101–102). Лишь поднявшись над потоком времени, человек может, если не *по-знать*, то хотя бы *со-знать* Вечность (термины А.Белого), и повторить вслед за Рильке: *“Мы вечной нескончаемости суть”*.

Интересный вопрос, когда и как начинает строиться ось психологического, автобиографического времени, на которую нанизываются события, происходящие на оси содержательного времени. В Раю биографическое время не нужно. И.Бродский не слишком оптимистически обронил, что там безработица и, действительно, там время не течет. У Евы время началось лишь после изгнания из Рая:

...с той поры, когда она из круга
вечности, влюбленная подруга
вышла, чтобы время началось...
Еве, конечно, помог Адам:
Но сказал ей муж упрям и строг, –
И пошла, с ним умереть желая,
И почти не знала, кто он – Бог.
Хотя это было ему не легко:
Он с трудом переупрямил Бога.
Бог грозил: умрешь в своей гордыне.
Человек не уступил, и будет
Женщина рожать ему отныне.

Р.М.Рильке

Люди стремятся начать, хотя бы мысленно изменить свое время, порой, любыми средствами, не слишком задумываясь о последствиях. Это своего рода жажда события, "охота к перемене мест", желание испытать себя или нечто на себе...

Без этого скука, пустота, беспамятство.

Конечно, в развитии человека немалую роль играет случай, судьба, но еще большую собственное усилие. Далек не каждому выпадает оказаться в нужное время, в нужном месте. Мне уже приходилось извлекать полезные для психологии уроки из творчества О. Мандельштама. Приведу еще один из эссе поэта «Разговор о Данте»: «Дант никогда не вступает в единоборство с материей, не приготовив орган для ее уловления, не вооружившись измерителем для отсчета конкретного капающего или тающего времени. В поэзии, в которой все есть мера, и вращается вокруг нее и ради нее, измерители суть орудия особого свойства, несущие особую активную функцию. Здесь дрожащая компасная стрелка не только потакает магнитной буре, но и сама ее делает». Так и человек делает свое время, свою бурю (часто в стакане воды), придает времени свою человеческую форму. Или ... бесчеловечную. Или никакую. Как бы то ни было человек создает свои измерители, свою компасную стрелку, свои "орудия особого свойства". А.А.Ухтомский заметил, что механизмы поведения и деятельности человека – это не "механизмы первичной конструкции". Он создает дополнительные органы и орудия, которые получали разные наименования: функциональные органы индивида, артефакты, артеакты, усилители–амплификаторы, новообразования. К их числу относятся наши предметные действия, образы мира, знания, функциональные состояния, одним из которых, – согласно, – А.А.Ухтомскому является даже личность. Подобные накопленные в течение жизни психологические приобретения становятся неколебимей, чем недвижимость (И.Бродский). В их создании, собственно, и состоит суть развития. О.Мандельштам, например, умел *слышать* время. Он описал его *шум*.

Одна из самых больших загадок – собирание прошлого и будущего в настоящем. Откуда приходят пошлое и будущее в настоящее, откуда берется само настоящее? Как они все сливаются в одновременность, в дление? Есть ли у человека щупальцы, которые он может запускать в прошлое, настоящее и будущее?

Ответ на этот вопрос также можно найти у Р.М.Рильке в стихотворении "Орфей. Эвридика. Гермес", в котором поэт дал свой пересказ известного мифа. Он описывает обратный путь героев из Аида. Орфей идет впереди. Он не должен нарушать божественный запрет и оборачиваться назад. Иначе Эвридика вернется в Аид. Приведу строки об идущем Орфее:

Казалось, его чувства раздвоились:
 ибо, покуда взор его, как пес, бежал впереди,
 поворачивался, возвращался и замирал, снова и снова,
 далекий и ждущий на следующем повороте тропы,
 его слух тащился за ним, как запах.
 Ему казалось иногда, что слух тянулся
 обратно, чтобы услышать шаги тех двух других,
 которые должны следовать за ним на этом восхождении.

Нужно согласиться с И.Бродским, подробно анализировавшим это стихотворение, что Р.И.Рильке поразительно психологически точен. Действительно, есть раздваивание и сдваивание чувств Орфея (зрения и слуха). Взор бежит впереди, слух тащится за ним (как запах), тянется обратно. Но и тот и другой сдваиваются и вместе определяют душевное состояние Орфея. Значит взор направлен в будущее, слух и обоняние – в прошлое. Как сказала М.Цветаева: Уходят запахи и звуки. Продолжим этот ход мысли: осязание, тактильная чувствительность, вкус дают знание настоящего. Таким образом, органы чувств – это еще и щупальцы времени. Это интересный и не встречавшийся мне аспект взаимодействия органов чувств. Конечно, остается вопрос, как и где интегрируются их данные о времени? Если верить И.Бродскому, поэзия в течение двух тысячелетий прививала зрение к слуху, сплавления видения Назона с размерами Горация. Для человеческой жизни это многовато. Человек, правда, не подозревая об этом, интегрирует их в своем действии.

Если органы чувств – это щупальцы времени, то действие и мысль – его строители. Они строят *свое* временное пространство, когда это не удастся,

адаптируются к текущему времени. Если человек не творит свое время, оно полностью подчиняет себе его. Наука называет это социализацией:

Тебя, как нитку новую, вдевали
в чреду картин, где ты очнулся в срок,
но быть самим собой уже мог.

Р.М.Рильке

Для действия (а мысль – тоже действие) три координаты времени столь же важны, как координаты пространства. Иное дело, как действие обращается с пространством и временем. Вновь обратимся к Рильке, описывающему движение Орфея:

Впереди – стройный человек в синей накидке,
Уставясь в тупом нетерпеньи, прямо перед собой.
Его шаги пожирали дорогу крупными кусками,
Не замедляя ход, чтоб их пережевать...

Знакомая картина! Тоже и с пожиранием времени: "глотатели пустот, читатели газет". Примерам нет числа. В действии сходятся, сплавляются все три цвета времени: прошлое, настоящее и будущее становятся одним длящимся актуальным временем. Это знал Ч.Шеррингтон, который писал, что на завершающих участках действия имеется место элементам памяти и элементам предвидения, которые в дальнейшем своем развитии превращаются в то, что мы называем умственными способностями. Элементы памяти и элементы предвидения – это и есть прошлое и будущее в актуальном времени действия, т.е. в настоящем.

В правоте Ч.Шеррингтона убеждает обнаружение внутри живого движения и предметного действия механизма рефлексии, наличие которого в нем было предсказано еще Гегелем. Материалом для рефлексии служит сопоставление того, что было, с тем, что есть и дальнейшее сопоставление того, что есть, с тем, что должно быть достигнуто. В психологических терминах это сопоставление исходного замысла со смыслом достигнутого, после чего возможно либо продолжение действия, либо уточнение замысла и организация нового

действия по его достижению. Иначе говоря, на каждом этапе развертывания действия присутствует замысленный до его начала будущий результат (смысл двигательной задачи, – по Н.А.Бернштейну) или модификация последнего, сделанная по ходу осуществления действия. Особенно велика нагрузка на рефлексивные процессы при нечетком замысле. Все это и означает, что на каждом этапе развертывания действия, а не только на его завершающей фазе, как предполагал Ч.Шеррингтон, присутствуют прошлое, настоящее и будущее. Потеря замысла и его будущего результата прекращает действие, либо превращает его в моторные персеверации. Специальная форма, так сказать, "моторной" рефлексии, также содержащая темпоральную компоненту, состоит в том, чтобы сопоставлять смысл двигательной задачи не только с условиями ее выполнения, т.е. с ситуацией, но также и с собственными возможностями действия в этой ситуации достижения цели. "Материал" для этой формы рефлексии поставляют обнаруженные Н.Д.Гордеевой две формы чувствительности, которыми обладает живое движение: чувствительность к ситуации и ее динамике и чувствительность к собственному исполнению, к его возможностям. Они чередуются по фазе с частотой смены фаз три-четыре раза в секунду. Сопоставление показаний этих форм чувствительности и есть простейший, фоновый рефлексивный акт, дающий начало более сложным и высоким формам рефлексивного поведения.

Первая форма рефлексии может быть названа смысловой, предметно-содержательной: что было, что есть, что будет, что должно быть?; вторая – операциональной, мотивационно-энергичной: смогу – не смогу, успею – не успею; надо – не надо?. Разделение, конечно, весьма условное. Это, скорее различные аспекты единого рефлексивного акта, или, правильнее говорить, о цепочках рефлексивных актов, разворачивающихся по ходу выполнения, хотя и единого, но сукцессивного, дискретного, пошагово выполняющегося действия. Его единство обеспечивается симультанно парящими над ним смысла (желательно здорового) и образа потребного будущего (желательно не утопии). В живом

движении, как и в языке, есть все достаточное и необходимое не только для операциональной рефлексии, но и для осознания себя.

Человек всегда находится в живом, жизненном времени, которое отличается от хронологического времени жизни. Жизненное время определяет и жизненное пространство, жизненный мир человека. Зависимость, разумеется, взаимная. Художник Р. Пуссет-Дарт назвал одну из своих композиций: «Время есть разум пространства. Пространство есть плоть времени». Вместе они составляют хронотоп (термин А.А. Ухтомского), являющийся результатом и условием развития сознательной и бессознательной жизни. Хронотоп, как и все живое, упорно сопротивляется концептуализации. Его образ дал С. Дали в своих растекшихся часах на картине «Упорство памяти». Он же его и прокомментировал: «... это не только фантастический образ мира; в этих текучих сырах заключена высшая формула пространства — времени. Этот образ родился вдруг, и, полагаю, именно тогда я вырвал у Иррационального одну из его главных тайн, один из его архетипов, ибо мои мягкие часы точнее всякого уравнения определяют жизнь: пространство-время сгущается, чтобы, застывая растечься камамбером, обреченным протухнуть и взрастить шампиньоны духовных порывов — искорки, запускающие мотор мироздания». Сравним с А.Блоком: "Длятся часы, мировое несущее". Не идут, а *длятся*. Во время такого дления порывы превращаются в текст! Или пропадают втуне!

Приведенные образы времени, пространства, хронотопа не так-то просто имплантировать в тело психологии, в том числе и в тело психологии развития. Развитие человека не линейно, не поступательно. "Устойчивое развитие" – это технократическая и экономическая иллюзия. О. Мандельштам писал, что «Прообразом исторического события — в природе служит гроза. Прообразом же отсутствия событий можно считать движение часовой стрелки по циферблату». Это полностью относится и к развитию культуры, в которой, согласно Ю.М. Лотману, сочетаются постепенные и взрывные процессы. Это же относится и к развитию отдельного человека. Оно, если оно происходит, событийно, в нем имеются незапланированные грозовые события, взрывы, взлеты, падения, но-

вые рождения и, конечно, запланированные возрастной психологией кризисы. Сказанное столь же несомненно, сколь и трудно поддается изучению, поскольку траектория развития каждого человека уникальна, неповторима, непредсказуема. В этом сложность и прелесть науки о развитии человека, она вопреки всему все же возможна. Наука о психическом развитии человека представляет собой итог усилий многих поколений ученых, которые понимали драматичность и трагичность человеческого развития, вынося это понимание за скобки изложения своих результатов. Психолог не художник, он не может последовать совету В.В.Кандинского "говорить о материи языком мистерии". Трагедия и драма — это все же прерогатива искусства. Впрочем, читатель с ним встретится в книге. Но многое ему придется самому вчитывать в эпическое изложение хода развития, представленное в ней.

Это можно делать так, как это сделал я, в настоящих заметках. Можно (и нужно) делать это по-своему. Полезно попробовать в описаниях авторов узнать самого себя. Со своей стороны скажу, что такое узнавание в психологии развития достигается легче, чем в академической общей психологии.

В книге представлены не только детство и юность. В ней представлена и зрелость, что в нашей литературе встречается не часто. При ее чтении следует помнить, что достижения каждого возраста обладают непреходящей ценностью. Мой учитель — выдающийся детский психолог А.В. Запорожец — заботился об амплификации детского развития и не советовал проявлять неразумную торопливость, ускорять переход ребенка с одной стадии развития на другую. Нужно помнить и завет П.А. Флоренского о том, что гений — это сохранение детства на всю жизнь, а талант — это сохранение юности на всю жизнь.